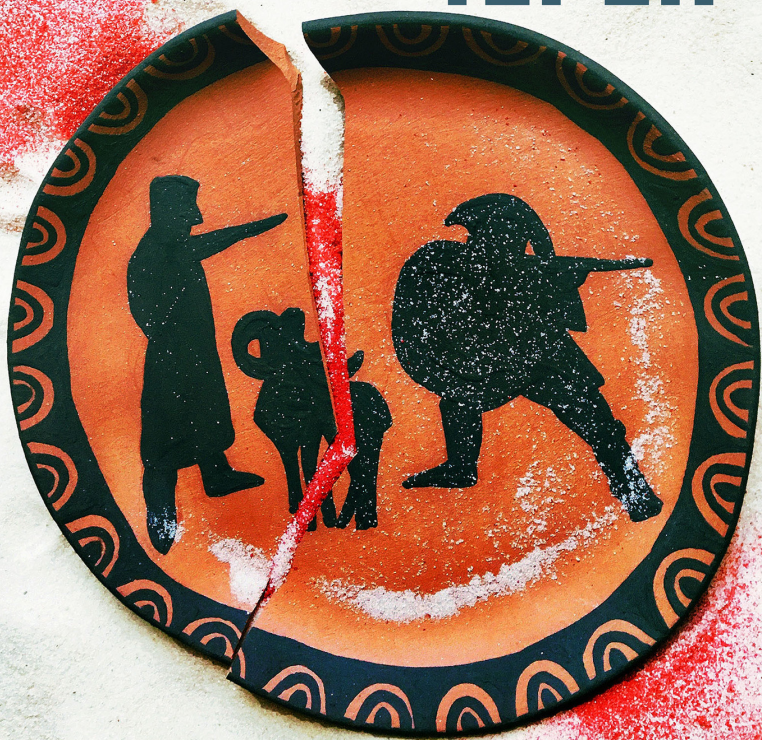


Стасс Бабицкий

# ЗЛАТОРОГИЙ ЧЕРЕП



# Стасс Бабицкий

## Златорогий череп

### Серия «Сыщик Мармеладов»

*Текст предоставлен правообладателем*

#### **Аннотация**

Сентябрь 1880 года. Мармеладов соглашается помочь незнакомцу в пустячном деле, но оказывается втянутым в кошмарную игру, которую затеял преступный гений. Это самый изощренный и опасный соперник из всех, с кем доводилось прежде сталкиваться сыщику. Убийца проводит кровавые ритуалы, чтобы обрести бессмертие и вернуть в мир магию, погребенную тысячу лет назад. Чтобы остановить его, придется докопаться до истины – кем на самом деле были аргонавты из древних мифов и легенд.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| I                                 | 4  |
| II                                | 20 |
| III                               | 33 |
| IV                                | 46 |
| V                                 | 55 |
| VI                                | 61 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 68 |

# Стасс Бабицкий

## Златорогий череп

### I

Не доходя пары шагов, он замер в нерешительности. Да, пожалуй, именно эта робость и раздражала более всего при внимательном взгляде на незнакомца. Росту высоченного. В плечах даже не сажень, целая верста. Ястребиный нос, волевой подбородок, а глаза того особого, серебристо-серого оттенка, что сразу вызывает мысли об остро заточенной шпаге или бритве. С подобной внешностью впору командовать штурмом вражеской крепости в Туркестане или покорять сердца неприступных барышень. И главное, самый рассветный возраст – около тридцати лет. Все дороги открыты! Так нет же, переминается с ноги на ногу, стыдливо откашливается, чтобы заметили и пригласили к общему столу... Тьфу! Вырождаются молодые дворяне, что тут говорить, курсистки и те ведут себя нахрапистей.

– Мне бы... Кхе-х! Я разыскиваю Родиона Романовича Мармеладова, – его гладко выбритая голова залилась краской до макушки. – Который... Кхе-х! Который из вас он?

Посетитель окончательно смутился, но потом собрался с силами и выпалил:

– Это дело жизни и смерти!

– С другими ко мне не приходят, – усмехнулся сыщик. – Никто не желает обсудить рассказы юного Чехонте, хотя они на редкость свежи и полны глубоких мыслей. Нет, я слышу одно и то же. «Дело жизни и смерти!» А на поверку большинство историй оборачивается сущей чепухой: служанка украла фамильное серебро, или купчиха подозревает молодого мужа в измене, или иная мелкая пошлость. Если и вы пожаловали с чем-то в этаким роде, прошу, не тратьте время. Лучше садитесь и откушайте замечательной ухи.

Ястребиный нос сморщился, а подозрительный взгляд скользнул по кряжистым бородатым дядькам за столом.

– Не сомневайтесь, – Мармеладов улыбнулся чуть насмешливо, но беззлобно. – И в трактире для извозчиков можно отыскать ушицу, которая удовлетворит вкус любого гурмана!

– О, вы неправильно истолковали мою реакцию. Качество здешних блюд меня не интересует. Но речь пойдет о событиях весьма деликатных, которые я надеялся обсудить... Кхе-х! Наедине.

Сыщик перешел на край длинной лавки, поближе к самовару. Потянул за рукав почтмейстера, который тут же последовал за ним, не забыв прихватить тарелку и солидный ломоть бородинского хлеба.

– Это Дмитрий Федорович Миусов, мой верный товарищ в сыскных делах. То, что вы перескажете при нем, останется

тайной для остальных.

Митя страхнул хлебные крошки с завитых усов и крепко пожал протянутую руку, вызвав полное доверие незнакомца. Хотя, может статься, у просителя в этот момент просто подкосились ноги, он в изнеможении опустился на скамью и зашептал, поминутно оглядываясь на извозчиков – не подслушивают ли:

– Хорошо, господа. Вверяю вам свою жизнь, поскольку больше надеяться не на кого. Со всем сторон... Кхе-х! Меня окружают недруги, но на самом деле это меньшее из зол. Гораздо страшнее то проклятие, что с недавних пор нависло над моей головой. Кхе-х! Не знаю, с чего удобнее начать...

– Для начала представьтесь, – сыщик налил чаю в граненый стакан, – кто вы и откуда.

– Вы правы! О, как же вы правы! Я такой рассеянный, что напрочь забыл о приличиях. Зовут меня Макар Макарыч Вострый, до недавнего времени я был почетным председателем альпийского клуба...

– А-а-а, вы из тех скалолазов, что взбираются на вершины гор? – почтмейстер на мгновение оторвался от еды и посмотрел на собеседника с куда большим интересом, чем прежде. – Но как вы это делаете?

– Трудно объяснить, тому кто не пробовал. Находим трещины, вбиваем крючья, цепляемся и ползем вверх, связанные одной веревкой. Друг за другом, по цепочке.

– Как безумные мураши.

– Зачем вы выбрали именно это слово? Отчего же сразу – безумные?

– Известно, отчего, – хмыкнул Митя, – умный-то в гору не пойдет!

– Да, да. Я сотни раз посыпал голову пеплом за то, что поддался этому увлечению. Без горных походов мои друзья остались бы живы, а мне не пришлось бы шарахаться от каждой тени в ожидании мучительной смерти.

– Ваши друзья сгинули в Альпах? – уточнил сыщик.

– Нет, нет! На французской стороне слишком скучно. Там вершины с наперсток, не то, что на Кавказе. Вот где раздолье для альпинистов! Отвесные скалы, обвалы камней и снежные лавины, – Макар Макарыч восторгнулся и заговорил с неподдельным энтузиазмом, – а на ледниках полно коварных трещин. Провалишься в такую – сразу режь веревку. Иначе потащишь за собой в пропасть всех людей в связке. Святое правило: погибай, но друга выручай!

– Стало быть, ваши несчастья начались на Кавказе?

– Да, да. Ох, вы же не знаете! Позвольте мне вернуться к началу и все объяснить... Кхе-х! Три года тому назад я прочел в газете об альпийском клубе, открытом в Лондоне. Группе джентльменов надоело сидеть в креслах, пить бренди и курить сигары. Они бросили вызов природе и покорили семь горных пиков, в том числе – Монблан. Вдохновляющая идея, не правда ли?!

Мармеладов пожал плечами, а Митя пробурчал:

– Сами же сказали, тамошние горы – мелюзга, а Мон-блан – наперсток. В чем же подвиг англичан? Побродили на альпийском воздухе и вернулись к сигарам да выпивке. Нашли чем в газетах хвастать!

Он свернул колобок из хлебного мякиша, покатал по столу, чтоб налипли крошки, сжевал и стал шумно дохлебывать уху.

– Вы правы, правы! Я подумал о том же, поэтому в уставе своего общества главным условием обозначил исследование природы Кавказа. Чтобы не бесцельно лазать по скалам, а с пользой для России. Мы крайне мало знаем о тех местах. На военных картах и то горные перевалы четко не прорисованы.

Почтмейстер, успевший в молодые годы повоевать на южных фронтах в гусарском эскадроне, согласно кивнул. Окрыленный его поддержкой альпинист продолжал:

– Единомышленники нашлись быстро. В клуб записались еще пятеро ученых: два зоолога, ботаник, геолог и этнограф. Каждый преследовал собственный научный интерес. Мы снарядили экспедицию и за первый год сделали массу важных открытий. Составили подробную карту от Минги-Тау до Кахетского хребта. Обнаружили двадцать семь неизвестных прежде растений и трав, а также кавказскую жу-желицу и два новых вида куропаток!

– Хм... Куропаток? – Мармеладов отвлекся от пустого чая и задумался, а не заказать ли жареного каплуна. – Куропат-

ки – это хорошо.

– Да что куропатки! Мы забирались в такие места, где прежде не ступала нога человека. Вообразите, там даже козьих троп не было! Первозданная природа, прекрасная и смертельно опасная... Перезимовали в Тифлисе. Во второй год вылазки делали реже – слишком много времени уходило на описание наших открытий, на корреспонденцию с университетами и научными журналами. Возможно вам попадались мои зарисовки о винторогих козлах в альманахе Русского географического общества? Нет? А они могут практически по отвесному склону взбираться вверх до... Кхе-х! Я снова не о том. Извините мою вечную рассеянность, господа. Ну, при чем тут козлы?! Беды начались... – рассказчик вновь понизил голос и испуганно вжал голову в плечи, – с барана!

– Продолжайте! Ваша история становится все занятнее, – подбодрил сыщик. – Объясните, как связаны баран и упомянутое проклятие?

Макар Макарыч перекрестился.

– Связаны, наипрямейшим образом связаны. Я уже упоминал, что в экспедицию с нами отправился этнограф – Ираклий Сабельянов. Происходил он из древнего грузинского рода, но родился и вырос в Петербурге, оттого интерес к историческому и культурному наследию предков имел колоссальный. Часами слушал песни горцев. Записывал старинные сказки, легенды, тосты. Ах, господа, их тосты – вот

поэзия в ее высочайших проявлениях. В Москве-то пьют куда прозаичнее: нальют рюмку, скажут «за здоровье Государя!» — это в лучшем случае, — а чаще всего выпьют молча.

— Не соглашусь, — встрял Митя. — Просто у нас вся поэзия не в водке, а в закуске. Груздя соленого на вилку наколешь или капустки квашеной с клюквой со дна зачерпнешь, где поядренее... Во-о-от, сразу слюнки потекли! К тому же, пока кавказец один тост говорит, русский три раза выпить и закусить успеет.

— То-то и оно! Мы торопимся поскорее опрокинуть горькую, а в Грузии не спешат. Сначала тост, потом вино — вкусное, душистое, его пьют медленно, мечтая, чтоб бокал никогда не заканчивался, — и после уж закуска. Тройное удовольствие! И по части закуски они нам двести очков вперед дадут. Во время экспедиции мы собирали не только фольклор, но и рецептов на целую поварскую книгу записали. Ах, грузинская кухня... Пробовали ли вы ад-жигу, господа? Уверен, что нет. Название характерное, эта приправа адски жгучая. Обмакнешь в нее кусок жареного ягненка и понимаешь, что вкуснее ничего не едал. При этом во рту бушует пожар, который бесполезно заливать водой, молоком или вином. Но стоит разжевать и проглотить кусочек хлеба — все проходит. Клянешься никогда больше не употреблять в пищу сей жидкий огонь, однако на следующем застолье руки тянутся к плошке с ад-жигой, потому что это невозможно вкусно!

Мармеладов добавил кипятку в недопитый чай, утопил в нем кусочек сахара и размешал, позвякивая ложечкой.

– Давайте вернемся к вашему барану.

– Да, да. Простите, я снова увлекся не к месту... Кхе-х! Во время второй зимовки, Сабельянов записал рассказ столетнего горца о заброшенном храме в Имеретии. Будто бы именно там хранилось золотое руно, за которым аргонавты приплывали в Колхиду. Все пересказывать нет необходимости, вы люди образованные, помните греческие мифы. Мы тоже читали эту сказку, и не воспринимали сюжет всерьез. Но старец утверждал, что видел своими глазами череп того барана, с которого сняли драгоценную шкуру и рога у него из чистого золота.

– Рога из золота? Брехня! – громко фыркнул половой, проходивший мимо с подносом.

Вострый поморщился, возмущенный несдержанностью слуги, но потом нехотя признал:

– Я также отреагировал, когда впервые услышал. Да и не было никакой возможности проверить, зимой перевалы в тех краях непроходимые. А Ираклий стал собирать сведения о златорогом черепе. Несколько заслуживающих доверия источников подтвердили: в окрестностях Кутаиса и вправду есть место, которое тамошние жители называют Шихвдэли-Мтиз. Гора Смерти. Она вся изъедена пещерами, в одной из которых – развалины храма и гробница легендарного Аэта. Ходить туда запрещено. Тот, кто потревожит по-

кой царя-колдуна, будет навеки проклят. Мы люди рациональные и лишь посмеялись над суеверным страхом горцев. Но вскоре генерал из окружения наместника под большим секретом сообщил, что двое солдат, посланных на разведку в эти пещеры, так и не вернулись. А когда на их поиски послали еще троих, те тоже пропали без вести.

– Эти предупреждения вас не напугали, а напротив, раззадорили? – уточнил сыщик. – Ведь о замшелом храме рассказал человек, доживший до ста лет. Раз он видел руины, и гнев Аэта не обрушился на седую голову, то и вас проклятие, авось, минует.

– Да, да. Мы рассудили именно так, и в начале июля сего, 1880-го, года, отправились в экспедицию. Проводников не нашли, хотя предлагали пастухам пятьсот, а потом и тысячу рублей. Никто не соблазнился! Тут уж мы впервые занервничали, потому что никакие сказки не устоят перед такими деньжищами, а значит Шихвдэли-Мтиз и впрямь смертельно опасна. Наш богатый опыт восхождения на сложные кручи оказался здесь почти бесполезен, мы ползли по отвесной стене, уповая только на везение и молитвы. Временами кто-то срывался и висел над бездной, а для того, чтобы поднять его к спасительному уступу едва хватало сил пяти человек. Два или три скалолаза на этом склоне были бы обречены, потому разведчики и не вернулись к генералу с донесениями. Но мы сдюжили. Забрались так высоко, что к спинам липли облака. Потом и они остались далеко внизу. Мы

достигли вершины, и нашим глазам открылся рай, – альпинист зажмурился, представляя чудесную картину, чтобы как можно точнее описать ее собеседникам. – Изумрудные сосны разбегались в две стороны по берегам идеально-круглого озера, скованного льдом.

– Льдом? Это летом-то? – удивился Митя.

– На такой высоте снег не тает круглый год, – объяснил Макар Макарыч. – Мы пошли в обход озера и вскоре обнаружили три пещеры, вход в которые давно зарос жестким кустарником. Страшно было в них соваться, но мы уже проделали долгий путь и не собирались отступить. Разделились на пары, нарубили факелов из смолистых веток, и шагнули в распахнутые зевы. Левая пещера довольно быстро закончилась обрывом. Мой напарник – Ираклий – рухнул в бездонный колодец. К счастью, шли мы в связке, и я успел зацепиться ногами за каменный выступ, а потом вытащить...

– Как же вам повезло! – воскликнул почтмейстер.

– А чего же этнограф веревку не перерезал? – Мармеладов отодвинул пустой стакан и потер переносицу. – Куда делось святое правило: упал в трещину – обрывай концы? Выходит, Сабельянов смалодушничал.

– Или попросту растерялся, – вздохнул Вострый. – На леднике все ждут подвоха и знают заранее, что делать, а в темном чреве горы мы оказались впервые... Кхе-х! И вообще, господа, вы хотели поскорее выслушать историю, а сами сбиваете на сторону.

– Вопрос возник, вот я и...

– Все вопросы после! – альпинист сверкнул глазами – куда подевалась давешняя стеснительность? – и отмел возражения резким жестом. – Мы осветили яму факелами и убедились, что ни обойти, ни перепрыгнуть ее не получится. Пошли назад, к озеру, и там столкнулись с нашими соратниками, которые исследовали правую пещеру. Им тоже пришлось возвращаться – тупик. Оставалась надежда лишь на центральный вход.

Ираклий сказал: «Раз ботаник и геолог оттуда не вернулись, значит, они что-то обнаружили».

Я вспомнил о ловушке, в которую мы только что чуть не рухнули, и осторожно возразил: «Или они погибли и этот вход опаснейший из всех».

«Тогда тем более надо поспешить по их следам!» – воскликнул этнограф. – «Ежели наши товарищи ранены, мы еще можем их спасти».

И мы вчетвером, не мешкая более ни минуты, устремились в пещеру. Сразу заметили разницу – этот тоннель явно облагораживали, кое-где встречались рисунки, смазанные и нечеткие. Вскоре возник очередной обрыв, но мы уже шагали осторожнее и не ухнули вниз. Приглядевшись, обнаружили грубые ступени, вырубленные в скале – я насчитал двадцать семь, – лесенка спускалась, слегка забирая влево. За поворотом мы увидели храм, не слишком большой, вроде часовни Даниловского монастыря. Фасад из позеленевшего

камня кое-где обвалился, а пройдя в стрельчатую арку, мы убедились, что это только ширма. Святилищем оказалась пещера! Ее стены в незапамятные времена расписали мифическими сценами – бородач в белых одеждах поочередно душил барса, медведя и дракона, разгоняет огненным мечом несметное войско и топит корабли молниями. Двое наших друзей пришли сюда раньше и остолбенели, лишь заслышав шаги, они встрепенулись. На самом деле там было от чего остолбенеть, господа! Посреди пещеры мы увидели каменную гробницу, накрытую плитой из шлифованного мрамора. Непонятные закорючки – то ли надпись, то ли орнамент, – вились по краям, в центре же лежал череп барана с рогами, блестящими в свете факелов.

– Мать честна!

Трое извозчиков, незаметно подсевших ближе, ахнули. Вострый этого не заметил, да и наличие посторонних слушателей его больше не смущало. История катилась к своей кульминации.

– Минут десять мы стояли молча, а может и больше – на часы никто не смотрел. Первым опомнился Сабельянов. Вцепился в рога, поднял череп на вытянутых руках и тут же вскрикнул: «Не удержу!» Но для него и казан с пловом неподъемная ноша. Слабоват. Я перехватил – не так уж и тяжело. Пуда нет.

Говорю: «Веревкой надо обвязать, за спину повесить, на манер солдатского ранца. Нам же ещё вниз спускаться».

Остальные заспорили между собой. Трое считали, что лучше не тревожить древние останки и поскорее убираться из этого странного храма. Я, Ираклий и один из зоологов уверяли, что артефакт важен для науки, это же уникальная возможность отделить легенды и мифы от исторических фактов, а кроме того, интересно осмотреть череп животного, жившего три тысячи лет назад.

Геолог возразил: «Но как же проклятие?»

На него зашикали со всех сторон, а я прибавил: «Мы же люди трезво мыслящие, люди науки и логики, поэтому в мистическую чушь верить не должны».

Этнограф горячо поддержал меня и предложил не ограничиваться изучением только бараньих рогов, но откинуть крышку и посмотреть, кто лежит в каменном саркофаге.

Ботаник не соглашался: «Это как раз противоречит логике. Неизвестно от чего умер тот, кого похоронили здесь. А ну-как чума? Или еще что-то смертоносное?»

Ираклий язвительно заметил: «Удобно прикрывать широким плащом логики свои дрожащие колени».

Ботаник вскинулся: «Кого это вы посмели назвать трусом, сударь?!»

Они прожигали друг друга взглядами, покрикивая все громче. Мы постарались их разнять, но в итоге только все переругались, будто удушливая темнота пещеры нарочно наполняла наши души ненавистью. Орали, не слушая друг друга, каждый свое, а эхо свивало из этих воплей отвратитель-

ную какофонию.

Отрезвил нас камешек, сорвавшийся с потолка пещеры. Все перешли на шепот, однако к согласию мы так и не пришли. Голоса разделились поровну. Пришлось напомнить об уставе общества: мне, как председателю, во всех подобных раскладах полагался дополнительный голос, чтобы склонить чашу весов к одному из решений. Поэтому я твердо сказал: «Уносим череп и точка!» Ох, господа, с тех пор не раз, а многожды жалел я об этом решении, горько плакал о судьбе погибших друзей...

– Да что стряслось-то, барин? – не выдержал самый до-тошный из кучеров, а за ним и остальные подхватили:

– Верно! Толком доскажи! Обстоятельно!

Альпинист не оглянулся на галдеж, он следил за реакцией Мармеладова, а тот и бровью не повел, погруженный в собственные мысли.

– Стряслось... Кхе-х! Лучше и не выразить. Сверху обрушился сталактит, не меньше пяти аршин длиной. Упал точнехонько в центр мраморной плиты и расколол ее надвое. Из гробницы взметнулись кости, словно давно истлевший покойник пытался выбраться и остановить нас. А вслед за тем свод пещеры начал обваливаться. Оттуда с противным визгом спорхнули тысячи летучих мышей. Все факелы погасли, кроме одного – тут повезло, если бы мы тратили время, нашаривая в карманах спички, или искали выход ошупью, камнепад уложил бы всех в братскую могилу. А нам уда-

лось разглядеть ступеньки, вырубленные в скале. Через тоннель выбрались наружу. Бежали по замерзшему озеру, ледяной панцирь трескался под ногами... Спустились с горы уже в сумерках. Дрожащие от страха, от холода и нервного напряжения, зато живые.

– И с добычей, – подытожил сыщик.

– Да, да. Как вы эти нюансы угадываете?! Мы бежали сломя голову, но кто-то успел схватить и вытащить из-под обвала проклятый череп. Он скалил кривые зубы, и эта гримаса не сулила ничего хорошего. У подножия горы мы укутали свою находку в два мешка, чтоб какой-нибудь абрек не позарился на позолоту. Вернулись в Тифлис и представьте, господа, выяснили странную вещь: никакая то была не позолота! Эти штуки, – он нарисовал на воздухе у своих висков огромные рожища, – прочно вросли в кость, но вместе с тем, были и впрямь золотыми. В чем мы и убедились, распилив один пополам. Не скажу за остальных, но меня сей факт впечатлил. Как человек науки я пытался найти разумное объяснение, но в душе уже верил в легенду про аргонавтов, охотящихся за руном. А на следующий день началась вся эта дьявольщина, которая преследует меня до сих пор. Но дальше история моя снова приобретает деликатный характер и для чужих ушей более не предназначается!

Извозчики пригорюнились, отодвинулись к другому краю стола. Мармеладов глянул на мужиков, в глазах его сверкнула озорная искра.

– Через полчаса у меня назначена встреча в редакции «Московских ведомостей». Не угодно ли составить компанию? По дороге все и доскажете. Митя, ты с нами?

– Однозначно и бесповоротно!

– И чтоб извозчика на углу не дожидаться, возьмем одного из здешних. Вот у Спирьки коляска на новых рессорах, не скрипит. Так вроде?

– Так точно-с!

Кучер вскочил с лавки и резво побежал готовить экипаж. Уж свезло, так свезло! Спиридон мигом сообразил свою выгоду: он подслушает обрывки беседы и слепит вполне пригодную байку, за которую вечером в этом трактире угостят ужином да ещё и анисовки нальют, чтоб горло промочить. Только ехать надо помедленнее, иначе кроме ветра в ушах ничего не услышишь.

## II

Рессоры и вправду не скрипели. Коляска неспешно катилась по Остоженке, предоставляя седокам возможность хорошенько рассмотреть, чем отличается особняк Всеволожских от усадьбы Тургеневых. А ничем, в сущности, не отличается – тот же портик на шести колоннах, те же непропорционально-вытянутые окна. Да еще и окрашены дома одинаково: левый – серый, как мышь, правый тоже серый, но оттенком больше на голубя смахивает. Близнецы, в том и ирония! Но хозяева с такими похожими вкусами, друг друга недолюбливают и в гости, по-соседски, не заходят.

Впрочем, сей архитектурный анекдот не привлек внимания пассажиров. Митя с отвисшей челюстью слушал рассказ альпиниста, точно такое выражение лица было и у кучера Спирьки, но тот сидел спиной и разглядеть это Вострому все равно не удалось бы. Мармеладов же, казалось, вновь погрузился в собственные мысли, хотя при этом он чутко ловил каждое слово, жест или интонацию Макара Макарыча.

– Вы не поверите... Кхе-х! Я тоже не сразу поверил, но проклятие древней гробницы существует. Стоило распилить бараний рог, и на следующее утро... Геолог не проснулся. У него на шее обнаружили рану – тонкую и прямую, будто по горлу чиркнул острый коготь летучей мыши. Тут мы сразу вспомнили, что в зловещей пещере этих тварей полным-пол-

но, одна из них могла прилететь вслед за нами. Могла же? Не качайте головой, господин сыщик, умоляю! Да, обычный нетопырь такое расстояние преодолеть не сумел бы, но – не забывайте, – мы потревожили покой колдуна. Это его черная душа пронеслась над горами, чтобы отомстить. Мы – пятеро трезво мыслящих ученых, – в тот момент не нашли другого объяснения и жутко перепугались. Решили свернуть экспедицию и в скором времени возвращаться в Москву.

Перед отъездом каждому из нас оставалось закончить несколько дел. Ботаник ушел в горы, набрать весенних трав для гербария. Ираклий сказал, что нельзя отпускать его одного, но все отмахнулись: что плохого может случиться на пологом склоне, по которому и ребенку под силу подняться, да еще среди бела дня? Но представьте себе, господа, сошла лавина и погребла несчастного вместе с конем. Паника охватила альпийский клуб. Все проголосовали за скорейшее отбытие с Кавказа – сразу после ужина погрузили в карету самое необходимое и тронулись в путь. И наплевать, что уникальные научные коллекции пришлось бросить в Тифлисском дворе, буквально под открытым небом. Жизни важнее!

Ровно в полночь – я машинально взглянул на часы, потому и запомнил, – зоолог пожаловался на головную боль. Потом его самочувствие улучшилось, и он заснул, крайне неудобно вывернув шею. Но к рассвету стало хуже. На завтрак больной почти ничего не ел, через час начал бредить и перестал узнавать друзей. А к вечеру... Кхе-х! К вечеру преставился.

– Трое за два дня! – воскликнул Митя. – Как тут не уверовать в проклятье.

– Да, да! От пережитого ужаса оставшиеся в живых прежде времени поседели. С тех пор я вынужден брить голову, чтобы не смущать окружающих нелепым видом молодого мужчины с копной старческих волос... Ох-ох-ох, снова отклонился от главного! Простите мою рассеянность, господа. Нужно сосредоточиться... Остановились на ночлег в Воронеже и здесь наш второй зоолог сошел с ума. Проснулся посреди ночи с криком «Колдовство!» и стал рассказывать, что его пытался задушить призрак. Описал жуткое лицо, горящее в темноте, подобно солнцу. Только у солнца свет живой и радостный, а от привидения исходило зеленовато-желтое сияние, а в воздухе витал тошнотворный запах трупного разложения. Мы с Ираклием сошлись во мнении, что прежде чем ехать дальше, необходимо зайти в церковь и причаститься – благо, как раз наступило воскресенье. Что же вы думаете, господа, помогло зоологу причастие?!

– Видимо, нет, – предположил сыщик.

– Нет, нет и нет! – Вострый трижды рубанул ребром ладони по воздуху. – Отведав плоти и крови Христовых, он окончательно лишился рассудка. Стал шарахаться от образов, ломать горящие свечи и вопить, что вокруг демоны. Причем таким визгливым голосом, которого мы прежде не слышали. Будто в него вселился нечистый! Мы с Ираклием и двое священников попытались обуздать, но безумец вырвался и убе-

жал на колокольню. Там заклинил крышку лаза, чтоб за ним не могли подняться другие, пару минут звонил в набат, приказывал прихожанам кланяться золотому барану, а после спрыгнул вниз и разбился насмерть.

– Святые угодники! – извозчик натянул поводья, да так резко, что грязно-белая лошаденка поднялась на дыбы и заржала от обиды. – Да что ты, старая... Плетись помалёху...

Почтмейстер реагировал иначе – поразмыслил немного и сказал:

– А если и вправду одержимость бесами? Это не мистическая чушь, подобные случаи описаны во вполне серьезных журналах. Кто знает, бараний ли череп вы нашли или... Голову черта!

– Да, да. Подобная мысль посещала меня неоднократно, – согласился Макар Макарыч. – Я же своими глазами видел, как это происходит! Наша карета приближалась к Москве. Ираклий сидел напротив. Уставился в одну точку, не говоря ни слова. Потом начал подвывать и раскачиваться, будто зуб у него нарывает. Но на самом деле его постепенно охватывало безумие. И как только мы въехали в лесную чащу, Сабельянов схватил рогатый череп, лежавший под сиденьем, поцеловал в кривоизогнутую пасть и выпрыгнул с ним из кареты на полном ходу. Я думал, расшибется, а Ираклий скатился в овраг и был таков.

– Когда это произошло? – встрепнулся сыщик.

– Месяц назад. Да, точно – девятого августа. С тех пор мне

нет покоя. Каждый день я боюсь сойти с ума, а по ночам вижу один и тот же кошмар: скелет барана выпрыгивает из адского пламени и расшибает меня о стену золотыми рогами. Вскоре проклятие затуманит мой разум и, скорее всего, доведет до самоубийства, – Вострый посмотрел на Мармеладова глазами, полными слез, – или еще какой смертельной глупости.

– Нет никакого проклятия.

– Погодите... Вы что, совсем не слушали?! Я же описал, как один за другим мои друзья по альпийскому клубу стали жертвами...

– ...коварного обманщика. С самого начала вашего рассказа я понял, что это не удары судьбы и, уж конечно, не месть мифического колдуна. Всех погубил...

– Кто? – хором выдохнули альпинист и почтмейстер, и даже кучер не удержался, обернулся к седокам.

– Э, нет. Вы, Макар Макарыч, требовали не перебивать вопросами. Вот и терпите теперь. Имя убийцы я назову позже. Там более, до редакции «Ведомостей» еще три квартала ехать, – Мармеладов поерзал на скамье, усаживаясь поудобнее. – Беда в том, господин Вострый, что вы смотрели на все смерти в этой цепочке через призму зловещего проклятия, и подыскивали им мистические толкования. Если же взять отдельно каждое происшествие, то вы увидите более простое объяснение.

– Но как же...

– Да вот, хотя бы, смерть геолога. Тонкий прямой разрез

поперек горла. Любой городской, увидев такую рану, скажет, что ее нанесли бритвой или ножом. Но убийца сочинил страшилку о летучих мышах из «той пещеры», и напуганные люди повторили за ним эту ерунду, а потом и сами в нее поверили. Теперь, касаясь лавины. В горах достаточно пальнуть из ружья и снежная шапка скатится вниз по склону, слизывая все на своем пути. Даже я, человек не вхожий в альпийские клубы, это знаю – попадалось в какой-то статье, которую переводил с немецкого... Но отчего же пятеро опытных альпинистов сразу исключили столь очевидный факт? Потому что один из вас – тот, кто тайком крался за ботаником, выбирал надежное укрытие и стрелял, чтобы его угробить, – громче всех кричал: это кара за похищение черепа из гробницы. И никто не взвесил в уме, какая причина правдоподобнее.

– Мы не могли ясно мыслить... Кхе-х! Гора смерти, паническое бегство в Тифлис, бессонные ночи или кошмарные видения у тех, кто отважился уснуть.

– Верно, вы накручивали себя и друг друга, а негодяй этим пользовался. Нарочно отравил зоолога перед тем, как отправиться в дорогу. В карете, под стук колес, прекрасно думается и мысли обретают четкие формы – замечали вы такое? Стало быть, любой из вас мог проанализировать ситуацию, прийти к тем же умозаклучениям, что и я сегодня. Тут убийце и конец. Втроем вы бы его скрутили и обезвредили. Потому ловкач и отвлек внимание столь жестоким способом. Це-

лые сутки вы наблюдали, как мучается «проклятый» и дрожали от ужаса, что вскорости с вами случится нечто подобное.

– Да, да. Вы крайне достоверно описываете наше состояние, будто сами ехали в той карете, – вздохнул Макар Макарыч. – Но с чего вы взяли, что беднягу отравили?

– Описанные вами симптомы указывают на оксид мышьяка. Зоологу подсыпали яд за ужином и он не разобрал его характерный запах только потому, что любил ад-жигу, как и вся ваша братия. Под таким соусом можно проглотить любую отраву.

– А призрак? – почтмейстер тоже поверил в губительную силу проклятия древней гробницы и не спешил отказываться от мистических объяснений. – Являлась же в ночи светящаяся харя!

– Эка невидаль! Смешай фосфор пополам с рыбьим клеем, вот тебе и свечение, и мертвенно-зеленый оттенок. Опять же запах противный, легко перепутать с трупным смрадом. На лицо такое мазать никто не рискнет, но душегуб сделал маску. Ну, послушайте, разве вы не замечаете, как вовремя сошел с ума зоолог?! Воронеж на полдороги между Кавказом и Москвой. Убийце как раз требовался очередной отвлекающий момент, чтобы его не разоблачили. Настоящее безумие нельзя вызывать по заказу, мозг человека – слишком сложный механизм. А создать видимость безумия... Предположу, что злодей добавил в еду семена дурма-

на. И заметьте, снова за ужином! Ночью припугнул светящейся маской, а на заре предложил пойти в церковь. Он подталкивал вас к причастию, имея особый умысел.

– Господи! Да какой же ему в том расчет? – недоумевал альпинист.

– Дурман и сам по себе опасен для разума, но если еще и вина глотнуть, то возникнет моментальное помрачение. Человек станет буйным и не в меру подозрительным – угнетенное сознание заставит его видеть кругом врагов и бросаться на людей. Убийца не мог знать наперед, что одурманный прыгнет с колокольни, но тут ему повезло. Выиграл очередной раунд и, надо признать, довольно изобретательно. Оставалось устранить последнего свидетеля – вас. И почему, скажите, Ираклий этого не сделал?

– Так это он? – ахнул почтмейстер.

– А кто же еще?! Именно этнограф потащил всех на гору смерти. Уверен, о заброшенном храме Сабельянов знал задолго до вашей экспедиции. Может из семейных преданий – вы же упоминали, что его предки жили в Грузии, верно? Скорее всего, в прежние времена к пещерам вели удобные тропы, – как-то же туда поднимались жители древней Колхиды, чтобы похоронить Аэта. И тот столетний горец, очевидно, в далекой молодости взбирался к пещерам без проблем. Но за последние полвека из-за обвалов и камнепадов гора сделалась неприступной. Вот и понадобилась поддержка альпийского клуба. Весь мистический туман не скроет главно-

го факта: убийца охотился за черепом с золотыми рогами и заполучил его. А вы, Макар Макарыч, отчего-то недоговариваете. Искажаете факты. Человек, который говорит правду, не станет так часто повторять «на самом деле», «на самом деле»... Вы в своем рассказе выделили Ираклия среди всех лишь потому, что уже догадались о его особой роли в этой истории. Остальных друзей даже по именам не называли. Так что же вы скрываете?

Вострый побледнел, но тут же лицо его покрылось багровыми пятнами. Дважды открывал рот, чтобы сказать, но дыхания не хватало. Наконец, набрал побольше воздуха и с третьей попытки произнес:

– Ваша проницательность, господин Мармеладов, поистине впечатляет и даже немного пугает. Народная молва несколько не приукрашивает ваш сыскной талант, в чем я убедился окончательно. Как вы разложили все по полочкам – залюбуешься! Кхе-х! Вы правы, я давно догадался, кто именно стоит за всеми убийствами. Ираклий не просто так выпрыгнул из кареты на ходу. Прежде он набросился на меня и стал душить. Я растерялся и поначалу не оказал сопротивления, но когда в глазах потемнело, инстинктивно отбросил его в угол, на подушки. Как уже упоминалось ранее, Сабельянов гораздо subtilнее меня и силенок небольших. Поэтому он не отважился напасть снова, а вместо этого распахнул дверцу и бросился в лесную чащу. Еще и череп, лежавший под сиденьем, прихватил. Через пару секунд я при-

шел в себя, выглянул на дорогу. Злодея не увидел. Я предположил, что он скатился в овраг и кусты смягчили падение, но останавливаться и проверять не стал. Сказать по правде, испугался... Кхе-х!

– Немудрено, – кивнул Митя. – Одно дело сражаться на поле боя – тоже страшно, однако все по-честному: у обоих клинки, ружья. Или ты его, или он тебя. А когда враг подкрадывается со спины или нападает из-за угла...

– Именно что из-за угла! – Вострый снова побледнел. – После того случая в лесу прошел месяц, а я пережил уже три покушения. Сперва меня чуть не сшиб экипаж. Возница нарочно выехал на тротуар на всем скаку, чтобы затоптать меня конями или размазать по стене дома. Ему это почти удалось. Знаете дом на Маросейке, где на фасаде проделаны ниши для каменных ваз с цветами? Вот в такую нишу я сумел втиснуться в последний момент. Иначе – неминуемая смерть.

Почтмейстер шумно выдохнул, а кучер Спиридон зацокал языком. Мармеладов же вновь не отреагировал – такое впечатление, что угадав убийцу, он утратил интерес к дальнейшей истории.

– В другой раз прогуливался по Сретенке и с крыши углового дома мне на голову сбросили каменную плиту. Еще пара шагов и раздавило бы в лепешку. Но встречный прохожий задержал вопросом «Как пройти к бульварам?» Каждое утро молюсь за его здоровье! Третье покушение случилось

вчера вечером. В подворотне у дома на меня напал бродяга с шипастой палицей. Но я, уже наученный горьким опытом, ношу кинжал в рукаве, – Макар Макарыч достал тонкий стилет с серебряной рукоятью. – Проткнул плечо бандиту и тот сбежал, истекая кровью. Не желая дожидаться новой напасти, я разузнал, кто лучший сыщик в Москве, и поспешил к вам за помощью!

– То, что вы называете покушениями, на самом деле, – Мармеладов выделил последние слова, – может оказаться обычным совпадением.

– Нет, нет! Там, на Маросейке, когда мимо промелькнуло окошко кареты, – клянусь! – я увидел в нем перекошенное от злобы лицо Ираклия. Поверьте, он не отстанет от меня. Единственный шанс на спасение состоит в том, что я разыщу нелюдя и сдам полиции раньше, чем он убьет меня. Но как это сделать? Сабельянов затаился, живет затворником. Я спрашивал общих знакомцев – никто не знает его адреса. Сможете ли вы помочь?

– Думаю, да. А вот и редакция «Ведомостей», – Мармеладов оглянулся на двухэтажный особняк, возле которого остановилась коляска. – Здесь мы найдем идеальный способ выманить преступника из той норы, в которой он прячется.

– Как? – три вопроса снова слились в один.

– Дадим в газету объявление: «Единственное выступление! Знаменитый ученый...» Макар Макарыч, как вы считаете, кто более интересен из заграничных археологов – Брунн

или Фальке?

– Однозначно, Брунн! Тут и думать нечего. Его работа об орнаментах этрусков этим летом наделала много шума в научных кругах.

– Так и запишем: «Знаменитый ученый Генрих Брунн из Мюнхенского университета выступит с лекцией об искусстве этрусков и редких экспонатах, найденных при раскопках...» Пропечатают в газете. Ираклий прочтет и если он впрямь так увлечен древними диковинками, то не сможет пропустить такое событие.

– А прочтет?

– Помилуйте, да разве есть в Москве те, кто «Ведомостей» не читает?! Обязательно прочтет. Лекцию назначим на три пополудни, в Казаковском корпусе на Моховой.

– И скрутим гада! – воодушевился Митя.

– Нет. Проследим за ним до логова, где хранится череп. А уже там скрутим.

– Зачем же рисковать? – заволновался Вострый. – Он сбежит. Он хитрый. Лучше привлечь десяток городских и взять под арест...

– Не факт, что следствие сумеет доказать причастность Сабельянова ко всем злодеяниям. Безоговорочных улик ведь не найдут. Ваш рассказ в суде выслушают с интересом, но это лишь слова... Выйдет убийца на свободу да и останется при своей добыче. Поэтому прежде, чем арестовать, надо отобрать у него древний череп. То-то ваш Ираклий взбесит-

ся! А в возбужденном состоянии на допросе может и проговорится. Наистерит себе каторгу или смертный приговор.

– Вот это будет справедливо! – воскликнул почтмейстер.

– Кроме того, – подмигнул сыщик, – мне крайне любопытно взглянуть на золотые рога.

### III

Главный корпус Московского университета с утра жужжал, напоминая улей, но к двум часам пополудни большинство «пчелок» разлетелись кто куда. Последними альма матер покидали «шмели» – прилежные студенты, отдающие учебе много времени и сил, а также нерадивые «трутни», которые задерживались, чтобы списать у отличников. Разницу между ними сразу не определишь. Вот спускаются по лестнице двое: оба бледные, худощавые, в чистых сюртуках, очки на носах поправляют. Поди, угадай, кто из них отлично учится, а кто посредственно. Да и важно ли это? Самим юнцам точно нет. Судя по разговору, их мысли занимают совсем не полученные оценки.

– Назначил Ирине свидание у памятника Пушкину. Не пришла! – сокрушался тот, что волосом потемнее. – Спрашиваю потом: «Чего ж ты?» А она в ответ: «Пушкин писал пошлые стишки, а раз зовешь меня к нему, значит и ты человек пошлый. Нечего с тобой время терять!»

– Это где такой памятник? – переспросил второй, смешно морща рябое лицо.

– На Тверском бульваре, – брюнет показал рукой, но ошибся с направлением и махнул в сторону Китай-города. Ага, стало быть, двоечник как раз он.

– Не видал.

– Как не видал? Летом поставили. Нынче все влюбленные там встречаются. Не понимаю, почему эта дуреха закапризничала.

– Может и к лучшему, – вздохнул отличник. – Хоть день-ги сохранишь. Моя-то Наденька на все свидания приходит, а потом то морсу ей черничного хочется, то водевиль посмотреть. Я уж, вдобавок к стипендии, репетиторствую. В трех семьях уроки оболтусам даю, но дохода все одно не хватает.

– Это верно. Приличные барышни обходятся куда дороже продажных девок!

Оба захохотали, подталкивая друг друга локтями, и вывалились на крыльцо.

– Шутки шутками, а я пятый день ложусь спать с пустым брюхом. Не ужинаю, чтобы скопить капиталец для субботней прогулки.

– Ничего, через месяц откроется цирк Саламонского на Цветном бульваре. Обещают дешевые билеты и много веселых клоунов.

– Какой цирк? Барышням романтика нужна. Скорей бы дожди зарядили, чтоб хоть появился повод сидеть дома и обжиматься!

Мармеладов наблюдал за студентами из окна второго этажа. Отсюда хорошо просматривалась мощеная дорожка до ворот и небольшая часть тротуара на Моховой улице.

– А ежели он не придет?

Вострый не мог стоять спокойно и нервно прохаживался по гулкой аудитории, иногда приближаясь к окну и бросая взгляд на университетский двор поверх плеча сыщика.

– Непременно придет, – спокойно сказал Мармеладов. – Смотрите, у крыльца уже начали собираться желающие послушать немецкого профессора.

– То-то они сейчас разбушуются, узнав об отмене лекции. Пойдут по улице, ругаясь на все лады. А если Ираклий услышит и повернет обратно?

– Поставьте себя на место Сабельянова. Он скрывается от всех и потому вряд ли отважится прийти в числе первых. Скорее уж, опоздает на четверть часа, чтобы сесть в задних рядах, где его никто не заметит. Стало быть, появится уже после того, как все недовольные успеют разойтись.

– А ежели мы его отсюда не заметим? – волновался альпинист.

– Здесь лучшее место для наблюдения. Дорожка одна. Вход один. На дверях объявление о том, что лекция профессора Брунна отменена по причине неприезда одного в Москву. Прочсть сей лист издалека невозможно, сам проверял, а у меня зрение прекрасное. Злодей подойдет, ознакомится с запиской, прошипит что-нибудь забористое, и отправится восвояси.

– А мы за ним?

– А мы за ним.

Помолчали, глядя как внизу вышагивают любители ар-

хеологии. На пути к крыльцу они напоминали зажженные свечи – спина прямая, глаза горят предвкушением. Обрат-но шли потухшие, сгорбленные, истекая обидой и желчью, словно каплями воска.

– Но что, ежели Ираклий глянет от ворот, нас в окне уви-дит и сбежит? – тревожился Макар Макарыч.

– Я же не случайно выбрал время начала «лекции» в три пополудни. В этот час солнце светит в лицо входящим, а смотреть на окна против солнечных лучей – только гла-за жечь. Слезы брызнут, ничего не разглядишь. Нам же лю-бой человек виден на расстоянии. Разве вы не узнаете своего друга издали?

– Конечно, узнаю. Ираклий невысокого роста, мне по пле-чо будет. Фигурой крепок. Волосы седые, как я уже гово-рил, хотя ему это уже и по возрасту – давно за сорок, по-жалуй, ближе к пятидесяти годам. Усов и бороды не носит. Может нацепить фальшивую, для маскировки, но я и тогда его узнаю.

Снова помолчали. Вострый косился на цилиндр ярко-ма-линового цвета, что стоял на подоконнике рядом с сыщиком.

– Возможно, я слишком одичал, лазая по Кавказским го-рам, но объясните, что это за странный выверт моды?

– Считайте, что это моя фальшивая борода, – сказал Мар-меладов.

– Не понимаю...

– Что в слежке важнее всего? Не дать человеку малейше-

го подозрения, что за ним следят. Особенно если речь идет о чрезвычайно мнительном господине, как этот ваш Сабельянов.

– Филеры же поэтому и одеваются не броско, в серое.

– Они одеваются так потому, что идиоты. Это зимой в Москве все ходят в черном да буром, но в теплое время года – не заставите. Посмотрите вокруг! Вот идут солидные люди слушать лекцию заморского профессора. И что же? Обратите внимание на цвета их сюртуков – горчичный, амарантовый<sup>1</sup>, савоярский<sup>2</sup>, есть даже блёдамур<sup>3</sup>. Серый цвет в такой толпе привлекает внимание. Да и кому охота в солнечный день носить блеклые одежды? По доброй воле никто в серое не нарядится, стало быть, сразу понятно, что это наряд для службы. А ведь именно это и нужно скрыть. Я бы одевал шпиков в самые щегольские пиджаки. Иначе вся маскировка коту под и хвост. Но глупость полицейских мне как раз вполне полезна, – улыбнулся сыщик. – Если Ираклий обернется пару раз и увидит серого типчика в котелке, то сразу все поймет. А взглянет на мою шляпу и решит: «То, что малиновый позади топчется – случайное совпадение». Ни один разумный человек не поверит, что «хвост» наденет такой вызывающе-приметный цилиндр. Это против всякой логики.

---

<sup>1</sup> Малиновый (устар.)

<sup>2</sup> Красно-коричневый с золотым отливом.

<sup>3</sup> Голубовато-серый, от французского bleu d'amour – «любовный синий».

– Да, но... Оглянется третий раз, пятый, седьмой, а позади все время эдакая красная шапочка маячит. Тогда уж точно заподозрит.

– Верно. Но я-то не буду все время ему глаза мозолить. Пройду три квартала, потом отстану, и Митя меня подменит.

– А где он?

– На углу дежурит, с извозчиком, на случай, если этнограф в коляску сядет. Потихоньку поедет за ним, на расстоянии. А еще через пять кварталов снова я на след вернусь, но уже без цилиндра. Ираклий меня не признает. Это тоже удивительный эффект яркой шляпы: она привлекает все внимание, а лицо под ней не запоминается... Таким образом Сабельянов приведет нас к своему логову.

Вострый восхищенно смотрел на сыщика и сомнения из его голоса сменялись воодушевлением.

– Давайте и я за ним пройду! Хотя те же три квартала, а?

– Ни в коем случае. Если злодей вас признает, то сразу сбежит. Причем явно не туда где лежит златорогий череп. Нет, он начнет метаться как заяц, путая следы. Поэтому вы останетесь на крыльце университета, сосчитаете до ста. Дважды! И только потом пойдете за мной.

– Но я же отстану, – альпинист уныло повесил ястребиный нос – Потеряю вас из виду.

– Вряд ли. Яркий цилиндр за версту заметен. А предположить, что на оживленной улице Москвы сойдутся двое в подобных шляпах... Нереально! Мы же не в Париже.

Макар Макарыч слушал и кивал, но смотрел в окно мимо собеседника. Внезапно он вскрикнул и вцепился в темно-синюю портьеру.

– Ираклий! Затея ваша сработала! Честно признаться, я не верил. Не верил... Но... Позвольте пожать руку! Вы гениальный сыщик.

Мармеладов оглянулся. По двору шагал невысокий крепыш с лицом, будто вылепленным из влажной глины и уже изрядно оплывшим. Одет во все черное, как гробовщик из похоронной конторы.

– О, как же это волнительно! Подходит к двери... Читает. Оглядывается. Ай! – Вострый присел на корточки и спрятался за подоконником. – Посмотрел в нашу сторону, – пояснил он шепотом. – Чуть не столкнулись взглядами... Ах, да... Он же нас не видит. Что делает изверг? Можете разглядеть со своего места?

– Уходит.

– Так чего же мы медлим?! Бежим вдогон!

– Погодите, он непременно задержится у ворот. Захочет убедиться, что никто не выскочит за ним на крыльцо. Чует подвох. Дадим ему успокоиться. Вот так! Огляделся. Двор пустой, вроде успокоился ваш Ираклий. Посмотрим, куда свернет – направо или налево.

– И к-куда?

– Направо, – сыщик нахлобучил свой яркий головной убор. – А теперь – пора!

У поворота на Большую Никитскую стояла коляска кучера Спиридона с поднятым верхом. Митя выглянул из-под тента.

– Которого мы ловим? – спросил он.

– Невысокий, седовласый, в черном костюме.

– Видел такого, с минуту назад мимо прошел. Вверх по улице, к Вознесению. Свернуть по пути особо некуда, но ты, братец, поторопись.

– Действуем, как заранее условились, – ответил Мармеладов. – Отпусти меня шагов на полтора и поезжай следом. Когда сниму шляпу – обгоняй, дальше води его сам.

Сабельянов нервничал. То замедлял шаг, то срывался на бодрую рысцу. Трижды перебежал дорогу, уворачиваясь от лошадей, и тут же останавливался у витрин, заглядывал в отражение – не повторит ли кто его маневр? Но излишней суеты среди прохожих не замечал. Мармеладов шел по левой стороне улицы, подмигивал девицам и раскланивался с почтенными дамами, приподнимая цилиндр. Он вел себя естественно и потому не привлекал внимания. Упустить злодея сыщик не боялся, в черном наряде тот выглядел среди расфуфыренной, праздно гуляющей толпы, как ворона в стае попугаев.

Не обнаружив слежки, Ираклий заметно расслабился. У Никитских ворот нырнул в дверь французской кондитерской, но инспекция мелочи в кармане показала, что на выпечку денег не хватит. Потащился через бульвар в бакалей-

ную лавку. Сквозь грязное стекло удалось разглядеть, как он покупает фунт хлеба, два фунта крупы и немного чая.

– Снова спрячется на неделю, – прокомментировал Митя, подкативший в коляске.

– И слуг в доме нет, чтобы послать в лавку, – сделал вывод сыщик. – Или не доверяет никому из них.

– Ладно, дальше я за ним поезжу. Уверен, его тайное убежище где-то поблизости. Отовариваются обычно возле дома, чтоб далеко не тащить. А ты, братец, дождись Вострого и посидите... Да вот хоть бы у французского кондитера. Я прямо туда с докладом прибуду.

Мармеладов снял цилиндр и, прижимая шляпу к груди, зашагал прочь.

Вовремя! Этнограф вышел из лавки со свертками в руках, осмотрелся. Снова перебежал дорогу наискосок, напугав белоснежную кобылу. Кучер Спирька свистнул вслед «егозли-вому барину» и щелкнул кнутом. Подковы зацокали по булыжнику.

Сыщик не стал оборачиваться. Он прошел сквозь толпу, как нож сквозь сдобную булку, подхватил дрожащего в нервной лихорадке Вострого, и едва ли не силой усадил его за столик в кондитерской.

– Заметьте, столы здесь круглые. Единственное место в Москве с подобным интерьером. Нарочно так сделано, чтобы мы много блюд не заказывали. Ставить-то некуда. Опять же на край не сдвинешь – нет краев. Выпил чаю, от-

кушал бисквиту и au revoir! – Мармеладов подозвал официанта и сделал заказ по-французски. – Кондитерам нет нужды удерживать посетителей часами, как в трактирах. Здесь ценой берут. Вот, скажем, студенту давешнему, чтобы привести свою Наденьку в подобное заведение, месяц на ужинах экономить придется. Меня всегда умиляло умение французов продавать каплю чая по цене обеда из пяти блюд.

На столе возникли две маленькие чашки с дымящимся какао и большой кусок пирога.

– Или вот пирог из яблочных обрезков. У моей квартирной хозяйки такой часто готовят, поскольку цена ему – алтын. Что делают французы? Кладут на пирог – даже не на целый, а на отрезанный ломоть, – шарик мороженого и требуют два рубля. Когда русский лапотник на базаре попытается нечто подобное повернуть, вы схватите его за шкуру и кликните городских. Но француза прощаете, поскольку он не мошенник, нет. Он негоциант.

– Да что вы все о пустом! – возмутился Макар Макарыч. – Я от волнения смотреть на еду не могу. Ну-как ваш товарищ упустил Ираклия? Это ведь единственный шанс разыскать его тайный приют. Больше Сабельянов ни на какие объявления не купится! А ежели мы немедля убийцу не остановим, до завтра я, возможно, не доживу. Какие уж тут пироги...

– Да с чего вы решили, что Митя его упустил?

– Полчаса уж прошли, а вестей нет.

– Сами считайте. Положим, проводил он Ираклия до две-

рей. Надо подождать минут десять: вдруг негодяй очередной обман затеял? Посидит чуток в чужом углу, потом сбежит и поминай, как звали. А если Сабельянов не вышел вскорости, надо дворника расспросить или консьержа какого-нибудь, да так осторожно, чтоб никто тревогу не поднял. Это еще минут десять, а то и пятнадцать. Далее, выяснив всю подноготную, наш бравый гусар...

– Хотите сказать – бывший гусар?

– Бывших не бывает. Гусар – это навсегда. Так вот, далее он пойдет пешком в нашу сторону...

– Зачем пешком? В шарабане же ехал!

– Спиридона он оставит присматривать за домом. Захочет Ираклий сбежать или выйдет по какой-нибудь надобности, извозчик за ним проследит. А Митя на своих двоих доберется. Да вот и он.

Почтмейстер распахнул двери, чуть не оборвав колокольчик. Присаживаться не захотел, навис над столом и прошептал, шумно дыша:

– В особняке Лопатиной<sup>4</sup> поселился.

Отломил большой кусок пирога, сунул в рот и тут же скривился – от мороженого заныли зубы.

– Брр-р! Зар-р-раза... Ираклий этот бирюком живет. Ни

---

<sup>4</sup> Анна Лопатина – известная купчиха, поставлявшая рыбу и морепродукты в лучшие рестораны Москвы. Ее дом на Большой Никитской улице был разделен на две части – в одной хозяйка проживала сама, другую сдавала внаем. После революции дом национализировали, с 1963 года в нем располагается посольство Бразилии.

с кем из соседей не общается, гостей не принимает. Отдельный вход по боковой лестнице и в мансарду.

– Идемте! – нетерпеливо выкрикнул Вострый, бросая недопитый какао. – Идемте же скорее!

– Отдышаться не дадите? – Митя с тоской смотрел на оставшийся кусок пирога. – Эх, торопыги...

Всю дорогу до лопатинского дома он ворчал в усы. Альпинист подвывал, то ли от страха, то ли от нетерпения. А Мармеладов о чем-то раздумывал. Тревожная мысль надвигалась как страшная и неотвратимая тень, заполняя все сознание, но что ее вызвало – непонятно.

Спирька караулил у ворот искомого дома. Еще издалека, жестами показал, что жилец никуда не выходил. Сыщик дал кучеру денег и отпустил с благодарностью, а спутникам своим наказал:

– По лестнице пойдем осторожно. Все-таки мы имеем дело с убийцей, причем весьма быстро соображающим. Первым поднимусь я, следом господин Вострый, а ты, друг мой, замыкай колонну. Откроет дверь – действуем по ситуации: если у него в квартире есть сообщники, удар приму я, а если подмога к нему прибежит снизу – Митя их задержит. Нам важно сохранить вашу жизнь, Макаар Макарыч, поскольку вы единственный сможете опознать Ираклия и дать показания на суде. Все ясно? Тогда за мной. И не шуметь!

На третьем этаже лестница заканчивалась небольшой площадкой с одинокой дверью. Ну, хоть не придется гадать,

за которой прячется убийца. Сыщик негромко постучал.

– Кто там? – спросил недоверчивый голос.

– Пусти, ба-арин! – жалобно заблеял Мармеладов. – Хозяйка ругайит-ца, грит дымоходы нечищены-я. А завтрава печки топить спочнем да и поугорай-им все досмерть!

– Погоди, сейчас открою.

Повернулся ключ в замке, лязгнула задвижка. На пороге возник оплывший господин, уже успевший переодеться в домашний халат.

– Э-э-э... Простите, господа, но что все это значит?

Посмотрел на Мармеладова, потом перевел взгляд за его плечо, побледнел и отшатнулся.

– Ираклий, – в этот миг он казался более изумленным, чем испуганным, – как ты меня разыскал?

– Ираклий? – растерялся сыщик. – Что за странные шутки! Мы разыскивали Ираклия Сабельянова, и вот вы перед нами. Или...

Он непонимающе обернулся и тут же согнулся пополам: крючконосый коротко, без замаха, ударил его в поддых. Потом с разворота вломил локтем в подбородок растерянному Мите. Почтмейстер скатился по лестнице и остался лежать на последней ступеньке, не подавая признаков жизни. Сыщик вцепился в плечи бывшего председателя альпийского клуба, но тот приложил его затылком о кирпичную стену. Уже теряя сознание, Мармеладов услышал, как захлопнулась дверь.

## IV

Мармеладов приоткрыл глаза и посмотрел на яркую солнечную полосу, растянувшуюся по противоположной стене. Ярко-желтая лента мигала и пульсировала: то ли из-за бегущих по небу облаков, то ли все-таки не обошлось без сотрясения после удара о стену. Митя, тормозивший приятеля за плечо, шумно выдохнул.

– Слава Богу, вернулось сознание! Я, братец, как увидел твой затылок в крови... Хотя и гнал от себя страшную мысль, но сомневался – живой ли.

– А сам-то? – сыщик встал с трудом, держась за перила лестницы. – Свалился, будто мучной куль с телеги.

– Мне не привыкать. Приходилось в эскадроне падать с лошадей, да и с балконов, порою, когда ревнивый муж... А, пустое. Где же обманщик наш?

– Похоже, заперся вместе с жертвой. Ах, Митя, как же это гадко! Я помог убийце отыскать честного человека, который от него скрывался. Хотя должен был сразу догадаться...

Почтмейстер подергал дверь.

– Ничего. Одной левой вышибу!

– Давай-ка без лишней бравады.

– И в мыслях не было! Но правую руку я, похоже, сломал.

Отошел на пару шагов, выставил левое плечо вперед и навалился всем телом. Раз, другой. На третий хлипкая прегра-

да сорвалась с петель.

– Злодей вооружен! – напомнил Мармеладов.

– Да что мне тот ножичек, – отмахнулся Митя. – Я этому гаду шею сверну.

Квартира напоминала ландыш. К узкому стеблю-коридору прилепились три небольших помещения – они шли по правой стороне и уменьшались по мере удаления вглубь дома. Так гостиная была крупнее кабинета, а тот, в свою очередь, превосходил в размерах крошечную спальню. Но окна везде были одного размера и все – распахнуты настежь.

– Сбежал, – констатировал сыщик, заглянув в каждую комнату.

– Щучий сын! Но как? – Митя высунулся в окно чуть ли не по пояс. – С третьего этажа?

– Он же альпинист. Привык цепляться за выступы и трещины на отвесной скале. А здесь карнизы, лепнина, морда льва с выпирающими клыками. Опытному скалолазу спуститься – минутное дело.

– А квартирант где? Тоже скрылся?

Из-за бумажной ширмы, отделявший угол в гостиной, донесся слабый стон. Мармеладов разорвал преграду и увидел шкаф с выломанной дверцей, а рядом, на полу – седовласого. Слабеющими пальцами он сжимал серебряную рукоятку стилета. Лезвие вошло в грудь наискосок, между ребрами. Несчастный хрипел и силился вытащить кинжал.

– Стойте! Нельзя! Истечете кровью, – сыщик удержал его

руки. — Доктора надо!

Митя снова перегнулся через подоконник и закричал прохожим:

— Зовите доктора и городского! Здесь убийство! Человека зарезали!

Люди на улице не поспешили за помощью и не разбежались в ужасе при мысли, что где-то рядом бродит убийца. Наоборот, вросли в землю, предвкушая новые крики из окна, а когда таковых не последовало, стали бочком, бочком подвигаться друг к другу и обсуждать кровавую историю, на ходу сочиняя нелепейшие подробности. Только дворник нахмурился и побежал вниз по улице, отчаянно дуя в свисток.

Мармеладов тем временем достал платок, плеснул воды из графина, чтобы смочить лоб и виски раненого. Тот невнятно прошептал:

— Х-х-хы-ы...

— Что? Я ничего не понял. Повторите.

— Хлебнуть... Дайте...

Умиравший сделал глоток и закашлялся.

— Благодарю, — голос звучал уже громче. — Вода обладает невероятной силой, это привычное для нас, можно сказать, обыденное вещество, способно творить чудеса, буквально оживлять и людей, и растения.

— Не время для лекций, — перебил его Митя. — Ох уж эти ученые! Никогда не упустят случая.

– Видите ли, господа, моя научная стезя – ботаника.

– Ботаника? Зачем же вы отправились слушать Брунна? – спросил Мармеладов. – Мы готовили наживку, чтобы поймать на крючок археолога, историка, этнографа, но никак не ботаника!

– Археологией я увлекся лишь пару лет назад, и как все неофиты стараюсь не пропускать интересных лекций, столь редких в наше время. А Брунн... Лакомый кусочек для всех любителей древностей. Но что же я... Даже не представился. Зовут меня Макар Макарыч...

– Вострый, – закончил сыщик. – Вчера этим именем назвался человек, который сегодня ударил вас ножом. И мы поверили...

– О, Ираклий – совершенный безумец. Вы, господа, знакомы с ним недавно? – седая голова склонилась набок, внимательные глаза осмотрели гостей, отметили блестящие пуговицы на мундире почтмейстера и, кажется, это успокоило Вострого. – Выходит, вы не в курсе его мономании? Он обожает старинные легенды, мифы, былины, и постоянно ищет доказательства, что все события, описанные в древних эпосах, происходили в реальности. В 1873 году Сабельянов ездил в Трою, на раскопки Шлимана<sup>5</sup>, и обнаружил клад с тысячей золотых бусин. Затем помог Фальке<sup>6</sup> отыскать тайный

---

<sup>5</sup> Генрих Шлиман – немецкий археолог, проводил раскопки античных городов.

<sup>6</sup> Исидор Фальке – итальянский археолог-самоучка.

город этрусков неподалеку от Тосканы, а с Хуманом<sup>7</sup> побывал в Пергаме и тоже что-то эдакое из-под земли достал... Дайте еще глоточек!

Ботаник выпил воды и продолжил:

– Вы слышали про то, что случилось на Кавказе? Ираклий хитростью заманил нас в экспедицию. Сыграл на амбициях – каждый хотел сказать новое слово в науке. Я вот мечтал назвать своей фамилией неизвестное прежде растение, и мечта сбылась. Бедренец Вострого! Не слышали? Травка такая, листья зубцами, соцветия приметные – белые зонтики.

– Камнеломка, что ли? – предположил Митя.

– Да, в народе так называют. Я нашел особую разновидность, которая произрастает только на Кавказе. Ее запишут во все ботанические справочники! – седовласый снова закашлялся, на губах выступила кровавая пена. – Но Ираклий... Этому извергу плевать на науку. Он два года заставлял нас карабкаться по разным склонам, учил альпинистским премудростям. Знал, мерзавец, что только вшестером мы сможем подняться на Гору Смерти и забрать златорогий череп, которого не хватало в его коллекции.

– Он собирает древние кости? – переспросил сыщик.

– А кто же его разберет... Сабельянов собиратель не такой публичный, как Третьяков. Все диковинки хранит под замком, никто их никогда не видел.

---

<sup>7</sup> Карл Хуман – немецкий инженер и археолог, раскопавший Пергамский алтарь, один из важнейших памятников эллинистического искусства.

– Почему он не устраивает выставки? – удивился Митя. – Все коллекционеры гордятся своими собраниями.

– Это как раз понятно, – ответил Мармеладов. – Уверен, большинство экспонатов добыты подсудными способами.

– Воровство, подлог, убийство – Ираклий ничем не побрезгует, – подтвердил Вострый. – Известно ли вам, как погибли наши друзья по альпийскому клубу?

– Во всех подробностях.

– А я ни о чем не подозревал! Ехал бок о бок с душегубом в Москву, оплакивая почивших. Но когда до города оставалось двадцать верст, и карета ехала через лес, он распахнул дверцу, схватил меня за шкурку и выбросил в глубокий овраг. Это было настолько неожиданно, что я... А что я?.. Ах да! Машинально вцепился в череп, лежавший на сиденье между нами. Так с ним в яму и полетел. На мое счастье, кусты смягчили падение, хотя стукнулся знатно... Отполз подальше, поднялся на ноги и побежал. Слышали бы вы, как бранился этот стервец! Сыпал угрозами мне вслед, но прыгнуть в овраг не отважился. Ираклий трусоват, оттого задумал стать сверхчеловеком... Повелевать небом, облаками, звездами... Для этой цели златорогий баран ему и потребен!

– Заговаривается, – обеспокоенно сказал почтмейстер. – Это же явный бред. Скорее бы доктор приехал!

– Это не бред... Слушайте, господа! Сабельянов сам признался, – Макар Макарыч затрясся, будто в лихорадке, и за-

дышал прерывисто. – Когда ударил этим кинжалом и потом забрал череп из шкапа... Признался, что без барана у него ничего не получится! Понимаете? Понимаете вы?.. А с черепом получится... Почему так душно? Откройте форточку! Нечем дышать...

Мармеладов прислушивался к стуку копыт за окном. Похоже, это двуколка. Зычный окрик городского: «Эй, дворник, в которую квартиру вызывали?» Торопливые шаги на лестнице. Молодой врач без сюртука, в одном лишь белом жилете с застарелыми пятнами, проскользнул мимо вывороченных дверей.

– Доброго здравия, гос-спода! Кому здесь понадобилась...

Он увидел тело, лежащее на полу, и замолчал. Присел на корточки, тронул пальцами жилку на шее Вострого, приложил стетоскоп к груди, долго вслушивался, потом бросил трубку обратно в саквояж.

– Кончено, увы, – не прозвучало в этом «увы» и капли жалости или сострадания, только спокойный холодок, обычный для любого врачевателя. – Как осмотрите место преступления, забирайте труп в прозекторскую, – это уже подоспевшим городовым, – а я свезу господ в больницу.

– Допросить бы их сперва, – набычился полицейский, заступая дорогу.

– Али следователя подождать-с! – вставил другой, нервно теребя в руках фуражку.

Доктор презрительно хмыкнул и подошел к ним вплот-

ную.

– Вы же не думаете, что они виновны в преступлении? Много вы знаете примеров, когда убийцы оставались рядом с убиенным и сами призывали законников? Чепуха! Эти двое не преступники, а жертвы. Им тоже изрядно досталось. Тот, у которого голова в крови, и четверти часа на ногах не протянет, по моим наблюдениям он вот-вот грохнется в обморок.

Мармеладов при этих словах изобразил недоверчивую ухмылку, но тут же почувствовал, что ноги становятся ватными, а от затылка к глазам разливается тьма. В следующую минуту он опрокинулся навзничь. Митя успел подхватить приятеля правой рукой, охнув от боли.

– Видите? Никаких сомнений, обоим необходимо в больницу.

– А ежели оне придуряются? – упорствовал городской.

– Вот что, сизари! Мне это надоело. Передайте следователю, когда он соизволит явиться, что имена и адреса сих господ мне известны. И что за них готов поручиться хирург Вятцев, сделавший для полицейского управления сотни вскрытий покойников – заметьте, без-воз-мезд-но. То есть даром. Уразумел, бестолочь?! Сумеешь доложить в точности? А вы, любезный, – обратился он к Мите, – помогите свести обморочного вниз. Там коляска ждет.

– Лихо вы их осадили, – хмыкнул почтмейстер уже на лестнице. – Но разве вам и вправду известны имена и ад-

реса наши?

– Сказать по чести, я недолюбливаю полицейских, – признался Вятцев. – Сотрудничаю с ними лишь потому, что очень уж занимательные трупы порой попадаются. Простите, если это прозвучит грубо и неуместно, но я давно составляю каталог различных способов насильственного умерщвления людей. Особенно живо интересуюсь удушенными и зарезанными, оттого и поспешил на зов...

– Странное развлечение.

– Что вы! Это вовсе не ради забавы. Медицинская экспертиза для судебных разбирательств – это же новое слово в науке. Жаль, что не каждый следователь готов прислушаться...

– Убитый вот тоже мечтал сказать «новое слово», – проворчал Митя. – И к чему это привело?!

– Все новаторы рискуют. Как минимум быть непонятыми современниками, как максимум – своей жизнью. Фу-ух! Тяжел господин Мармеладов. А с виду не скажешь!

– Так вы действительно знакомы?

– Видел его однажды в канцелярии обер-полицмейстера. Мельком, но сразу признал. Можно сказать, городских я почти не обманул. А с вами, надеюсь, познакомимся по дороге в больницу.

## V

Час спустя Митя сидел на перилах высокого крыльца и наблюдал за стайкой детворы, а точнее за юной сестрой милосердия, которая пыталась водить с малышами хоровод. Мальчишки с ногами или руками, закованными в лубки, все время спотыкались, норовили устроить кучу малу и набивали себе новые синяки да шишки, но при этом не хныкали, а заливисто хохотали. Девочек в хороводе не было.

Скрипнула дверь.

– Эк тебе, братец, голову забинтовали, – хмыкнул почтмейстер. – Тюрубан как у бенгальского махараджи!

– Повезло, что ближайшей больницей оказалась Филатовская, – поделился Мармеладов. – Детский доктор рану штопает бережнее, чем обычные хирурги, еще и приговаривает: «терпи, золотой мой, до свадьбы заживет». Велел больше спать и не нервничать по пустякам. А напоследок сахарного петуха подарил. Хочешь? – он протянул лакомство приятелю.

– Не откажусь. Мне повезло меньше. Перелома не случилось, но вывихнутое плечо вправлял этот Вятцев – жестокий коновал! Аж слезы из глаз брызнули. Уверен, он и с мелюзгой церемониться не станет... Давай в следующий раз наоборот поступим. Я пойду к доброму зашивальщику, а ты к мяснику-костоправу.

– В следующий раз?

– Ну, расследования наши редко обходятся без ущерба для здоровья. Ты же не бросишь частный сыск из-за этого случая?

Ответить Мармеладов не успел. По липовой аллее, идущей от ворот, пронесся босоногий вихрь.

– Куда?! Бродягам тут не положено! – взревел сторож, и погнался было следом, да где ему, старому. Мальчишка подбежал к крыльцу и остановился на почтительном расстоянии.

– Слышь, усатый, ты чё ль – Мармеладов?

Почтмейстер молча кивнул на приятеля.

– Не брешешь? Велено передать письмо лично.

– Истинный крест! – сыщик подал знак запыхавшемуся охраннику не вмешиваться.

– Тады забирай.

Босяк порылся в карманах рубахи, от которой осталось лишь название – ткань давно расползлась на ниточки. Вытащил сложенную вчетверо записку и протянул издали, все еще недоверчиво.

– От кого?

– Я почему знаю?!

– Не брешешь? – в тон ему спросил Мармеладов, доставая из кармана сюртука рубль. Босяк облизнулся, представляя, сколько всего можно закупить на эти деньги, но сокрушенно шмыгнул носом.

– Не, я того господина прежде не встречал. Он меня на Триумфальной подозвал. Дал такой же рубль и записку. Велел сюда принести. Отдать Мармеладову, который на крыльце сидит.

– Ох, подозреваю я, кто может наблюдать за нами, – протянул Митя. – А ну-ка, шалопай, опиши каков из себя этот господин?

Мальчонка не взглянул на него, он смотрел на серебряную монету, как зачарованный.

– Лысая башка, нос крючком. Да ты, небось, все поймешь, когда письмо откроешь.

– Ладно, заслужил!

Монета исчезла в грязном кулаке быстрее, чем капля воды с раскаленной сковородки.

– И петуха забирай.

Почтмейстер протянул леденец на палочке постреленку. Тот побежал к воротам, увернулся от цепких пальцев сторожа, пытавшихся схватить его за ухо. Куда там! Проще изловить летящую молнию или револьверную пулю. Дети из хоровода, наблюдавшие сцену погони, засвистели и захлопали в ладоши. Их симпатии были всецело на стороне чумазого сверстника. Сторож сплюнул в клумбу и заковылял к воротам.

Сыщик, по привычке, наскоро проглотил содержание письма, потом медленно перечитал, впитывая каждое слово, а на третий раз принялся проговаривать вслух:

*«Драгоценнейший г-н Мармеладов!*

*Не знаю, как выразить признательность за помощь, которую Вы оказали в этом деликатном деле. Право же, без Вашего участия мне никогда не удалось бы отыскать беглеца и вернуть украденную им реликвию. Коллекция моя полностью собрана, каждый артефакт в ней на своем месте и все это стало возможным только благодаря Вашему уму.*

*Не смею предлагать деньги – это совершеннейшая пошлость! Но и оставлять Вас без награды, конечно же, несправедливо. Поэтому я подарю Вам жизнь, да и товарищу Вашему – из уважения к былым заслугам и пережитым трагедиям. Вы успели заметить (уверен, с Вашей проницательностью это не трудно), что я не оставляю живых свидетелей? Но для Вас сделаю исключение. Даю слово: если в будущем пути наши не пересекутся и Вы не станете искать встреч со мной, то проживете долго и, возможно, счастливо.*

*Желаю Вам душевного спокойствия, первейшего блага, без которого нельзя действовать и поступать разумно ни на каком поприще.*

*Остаюсь искренним поклонником Вашего таланта, Ираклий Цобелани».*

– А злодей великодушен, – Митя подкрутил усы вверх, на гусарский манер. – Оскорбительно великодушен. Не сумел нас прикончить, но пыжится и хорохорится, делает вид, что так и замыслил с самого начала.

Сыщик поправил повязку на голове.

– Судя по точности, с которой наносит удары господин Сабельянов – или Цобелиани, если не коверкать его фамилию на русский манер, – убийца он опытный, умелый и безжалостный. Может статься, и вправду пожалел нас с тобой «из уважения к былым заслугам...»

– Неужели тебя напугал этот крючконосый хлыщ? Не верю!

– Не напугал, но заставил насторожиться. Он так много знает обо мне, о тебе, о пережитых трагедиях. А что нам известно об этом господине? Только три малозначительных факта: Ираклий из древнего грузинского рода, он собиратель исторических диковинок и хороший актер. Помнишь, как достоверно он разыгрывал робость и рассеянность? Еще покашливал так смущенно: «Кхе-х!» – с горькой ухмылкой передразнил сыщик. – А как он на ходу сочинял про покушения, чтобы убедить меня взяться за это расследование... Дьявольский талант.

– Нам еще кое-что о нем известно, – возразил Митя. – Мы видели убийцу и можем описать полиции его приметную внешность.

– Внешность легко изменить. Наденет Ираклий парик, отпустит бороду – и уже никто не признает по словесному описанию. Нет, пока зацепиться не за что.

Мармеладов аккуратно согнул записку пополам, затем еще раз и положил в карман сюртука.

– Признаться, я ожидал, что ты скомкаешь чертов листок, – удивленно сказал почтмейстер, – и отбросишь как можно дальше.

– Мне подобные эмоции не свойственны, – пожал плечами сыщик. – К тому же Сабельянов прав: я помог ему довершить черное дело. Вольно или невольно – разве это оправдание? Ираклий заранее сообщил мне все необходимое для разгадки. Оставалось только сложить правильно, а я не сумел. Смерть Макара Вострого на моей совести. Именно поэтому мне важно сохранить письмо убийцы. Как вексель. Знай, Митя, сколь бы хитер и коварен не был злодей, но я стребую с него должок и закрою этот счет.

## VI

— А для меня ничего не найдется?

Мармеладов выступил из темной подворотни как раз в тот момент, когда почтмейстер, разогнав поздних посетителей, закрывал контору. Митя выронил ключи и сжал пудовые кулаки, но узнав приятеля, расслабился.

— Тьфу ты! Разве пристало честным людям подкрадываться? Я же на нервной почве и зашибить могу. Ненароком...

— Прости, не подумал.

— Последние полгода ты, братец, вообще не способен связно мыслить. Помешался на Ираклии, будь он тысячекратно проклят. Я тоже хочу, чтобы убийца ответил за свои преступления и по мере сил готов способствовать... Но мера-то, эта самая, должна быть! А ты уже успел весь Кавказ объехать в поисках следов. Сотни людей в Москве расспросил, не знает ли кто Сабельянова. Писем на гербовой бумаге отправил в столицу рублей на двести!

— И все без толку. Никто не знает, откуда взялся наш убийца, чем занимался прежде и с кем поддерживает отношения в настоящее время. Справился во всех дворянских собраниях, закрытых клубах, тайных ложах, редакциях журналов, тюрьмах и психиатрических лечебницах... Даже намек не обнаружил. Вот жду последнее письмо из Петербурга, на которое возлагаю большие надежды. Если и там пусто,

мне останется только сесть на ступеньки перед публичной библиотекой, сгорбиться от тоски и каждому проходящему докучать вопросами.

– Ну, тогда, – почтмейстер вынул из внутреннего кармана шинели узкий конверт, – пляши, Родион! Трепака пляши, с коленцами. Есть письмо! Только что доставили на твое имя. Захватил вот, собирался лично снести. Не доверять же моим остолопам. Еще потеряют...

Сыщик нетерпеливо вырвал письмо и поспешил к фонарю.

– Судя по штемпелю, отправили девятнадцатого февраля, – продолжал Митя. – Неделью назад, выходит. Что там?

– «Милостивый государь, отвечая на ваш запрос...» Дальше! Так. Так! «Информацией о г-не Ираклии Цобелиани, также известном под фамилией Сабельянов, не располагаем...» Вот и весь сказ. Это страшно, Митя. Получается, вся гигантская, и оттого неповоротливая, система охранения порядка в нашей империи, слыхом не слыхивала об этом коварном злодее. А ведь он еще молод, и имеет все шансы вырасти в короля преступного мира. С его-то беспринципностью и одержимостью.

– Ты не замечаешь, что тоже становишься одержимым. Совсем себя запустил. Не брился дня три.

– Четыре. Я...

– Доброго здравия, гос-спода!

Вятцев уже прошел мимо, но пригляделся, вернулся на па-

ру шагов и приветственно вцепился в рукав пальто сыщика.

– Не ожидал встретиться вот так, посреди улицы. Но рад, чертовски рад! Давно, давно замыслил навестить вас, обсудить пару нераскрытых убийств, да времени не нашлось. Полиция каждый день притаскивает новых жмуриков, причем редко по одному, все чаще гроздьями. Простите, что перебил вас на середине фразы, – знаете, врачебные люди, церемоний не придерживаются. Прошу, составьте мне компанию. Выпьем чаю, а лучше чего покрепче. В морозы для здоровья полезнее водочка, – он огляделся по сторонам. – На той стороне улицы есть вполне приличный ресторанчик. Не откажите в любезности!

– А идея-то недурная, – поддержал Митя с воодушевлением, поскольку увидел возможность отвлечь приятеля от тягостных мыслей.

– Пойдемте, пойдемте!

Доктор подхватил сыщика под локоть, почтмейстер взял за другую руку и оба чуть ли не волоком потащили его в трактир.

– Позвольте, я начну сразу, без предисловий. Как вы знаете, гос-спода, я составляю трактат о способах умерщвления людей. Иной раз благодаря этим записям, полиция раскрывает самые бесперспективные дела, – Вятцев залпом выпил рюмку водки и продолжил будничным тоном. – Скажем, давешним летом начали ни с того ни с сего помирать одинокие купцы и дворянчики. Все на дачах или в загородных усадь-

бах. Один поскользнулся на куске мыла, расшиб голову о порог ванной. Другой спускался по ступенькам, а на лестнице прислуга корку арбузную обронила... Девять трупов с разбитыми затылками! Троих мне довелось осматривать, про остальных узнал из полицейских рапортов. Согласитесь, налицо закономерность.

– Похоже на то, – ответил Митя, хрустя квашеной капустой.

– Вот! Вы сразу поняли! Но следователи отмахивались. Совпадение, мол. «Сиди-ка ты, Вятцев, в своей анатомичке и не встревай». Ленивые балбесы! Им лишь бы поменьше суеты. Спишут на несчастный случай и вся недолга. А между тем, во всех домах после смерти хозяев ценностей не досчитались, – доктор выпил еще одну рюмку, по-прежнему не закусывая.

– Золотишко могли и слуги умыкнуть, после смерти барина, – высказал сомнения почтмейстер. – Наследников нет, авось не хватится никто.

– К черту слуг! Девять покойников – разве не подозрительно? Я два месяца твердил каждому встречному городовому, что в Москве завелся убийца, который охотится только на одиноких богатеев. Докричался. Вызвали меня к обер-полицмейстеру. Тот брови насупил: «Что ты, ланцет гнутый, воду мутишь? Какие у тебя доказательства?» Тут-то и пригодился мой трактат, – Вятцев достал из саквояжа пухлую тетрадь в потрепанной обложке. – Я каждую смертельную

рану подробно описываю. Предъявил начальнику аргумент: у всех погибших одинаковые повреждения черепа. Длинная продолговатая вмятина. Такая и впрямь может быть, если приложиться о ступеньку, но... Внимание, гос-спода! В конце вмятины – тонкий прокол, как от трехгранного штыка. Обер-полицмейстер распорядился провести повторный обыск домов погибших и что бы вы думали?

Он помолчал, интригуя слушателей, а заодно наливая себе очередную рюмку. Получилось с избытком. Чтобы не расплескать, доктор сложил губы в смешную «уточку», наклонился к столу и отхлебнул с краешка.

– У каждого покойника нашли в кладовке молотки для крокета. Выяснилось, что все они приглашали некоего господина Бачурина. Он давал платные уроки скучающим дачникам, а заодно разведывал обстановку. Выжидал подходящий момент и убивал хозяина дома, обставляя как случайную смерть. Потом забирал все ценное и был таков.

– Чем же он убивал? – переспросил Митя. – Егерским штыком?

Доктор хитро прищурился.

– Не угадали! Бачурин во все дома приезжал с собственным крокетным молотком, а тот был с секретом. Представьте себе, ударная часть снимается, остается дубинка с выпирающим шипом на конце. Шмякнешь посильнее... А у спортсмена удар, вы представляете... Если бы не мой трактат, погубитель невинных ускользнул бы от наказания, а следующим

летом снова вышел бы на кровавую охоту.

– Ваш труд, безусловно, полезен для дальнейшего развития криминалистической науки, – произнес Мармеладов скучным голосом. – Стремление находить во всем систему и раскладывать преступления на классы, достойно отдельной похвалы.

– Что вы, что вы! Я же не ради наград. Хотя высокая оценка от мастера сыскного дела весьма лестна, – щеки хирурга покраснели, и он снова потянулся к лафитнику. – Но позвольте перейти к загадке иного рода, которая не дает мне покоя. Четыре убийства. У них все разное – время и место, способ умерщвления и выбор оружия. И все-таки мне кажется, что они связаны между собой.

– Почему вы так решили? – Митя подвинул ближе к Вятцеву кокиль<sup>8</sup> с белужьей икрой, но тот не взглянул на блюдо.

– А вот послушайте. Знаком ли вам домик архитектора Бланка в конце Малой Дмитровки? Небольшой двор, чугунная ограда и почти нет деревьев. Одинокий клен. Или ясень? Они ведь похожи? Я, признаться, только березу и сосну могу различить среди остального леса. Да не важно, пусть клен. Под ним нашли первую жертву – отставного полковника Гридасова. Издалека могло показаться, что он задремал, прислонившись спиной к стволу. Но на календаре десятое ноября! Даже горький пропойца проснется от утреннего мо-

---

<sup>8</sup> Блюдо в виде раковины для икры или морепродуктов.

розца, и поспешит в теплый угол, чтобы не околеть. Архитектор поутру заметил старика из окна, послал слугу, чтобы тот прогнал выпивоху – Бланк опять-таки первым делом подумал, что тот просто задремал...

Заметив, что история пошла по кругу, доктор ненадолго задумался и отставил рюмку с водкой.

– Словом, позвали в тот двор меня – спасай, мол, Вятцев. На тебя все упования. А как спасти, если старик давно уж кончился? У него на груди рана была жуткая. Судя по всему, сначала сердце пробили небольшим копьем или дротиком, но после убийца вырезал застрявший наконечник обычным ножом. Вот, взгляните!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.